

Когда социальное довлеет над профессиональным...

*Статья подготовлена на материалах проектов,
поддержанных грантами РГНФ № 03-03-00396-а и РФФИ № 03-06-80254-а*

Опубликовано в:

Педагогический профессионализм в современном образовании. Материалы Международной научно-практической конференции (20-22 февраля 2006 г. Новосибирск) / Под науч. ред. Е.В.Андриенко. В 2-х тт. Т.1– Новосибирск, 2006. С. 33-42.

***

Доказывать социальную и культурную ценность профессионализма нужды нет. Без дополнительных объяснений понятно, почему должен «пирог с печи пирожник, а сапоги тачать – сапожник», и лучше, чтобы это были пирожник и сапожник в нескольких поколениях. Когда специалист «стоит на плечах гигантов», а производитель товара или услуги объявляет о своем существовании с давних времен, его торговая марка удостоверяет именно это – непрерывность опыта как свидетельство качества деятельности и качества ее продукта. Нам нужны эти подтверждения, потому что мы понимаем: на пустом месте мастерство возникает редко, профессионализм – общая заслуга и ныне живущего мастера, и его предшественников.

Это понимание заставляет соотносить живую человеческую практику и каждого ее исполнителя с исторической традицией и культурой деятельности. Любая профессия в этом смысле – и артефакт, и архетип. В массовой практике профессии, в живой конкретной профессиональной деятельности, происходящей «здесь и сейчас», воссоздается историческая культура данного сегмента общественной жизни и возникает возможность ее трансляции в будущее. Или не воссоздается, и тогда традиция прерывается, а дальнейшее состояние профессии будет так или иначе испытывать влияние этого обстоятельства. Мы хорошо знаем это по крестьянской культуре: однажды вырубив ее топором, мы теперь учимся выращивать картошку у голландских фермеров. Иными словами, завтрашнее состояние профессии объективно зависит от сегодняшнего, субъективного и абсолютно конкретного профессионального поведения.

Все это не заслуживало бы повторения, если бы не имело непосредственного отношения к теме конференции – педагогическому мастерству и вместе с этим к состоянию и качеству образования.

Сегодняшнее состояние педагогической профессии как массовой практики вряд ли настолько удовлетворительно, чтобы быть базой для завтрашнего дня как с точки зрения инновационных запросов ближайшего будущего, так и с точки зрения лучших образцов прошлого, то есть в контексте традиций и культуры профессии. Второе обстоятельство вызывает даже большую тревогу, чем первое, потому что первое может быть элементом нормального развития, а второе является признаком регрессии. Но именно оно транслируется в будущее, потому что такова природа общества как коммуникативно-информационного процесса. Передаваться может только то, что есть в наличии.

Далее речь пойдет о профессии преподавателя высшего учебного заведения, которая в пору своего возникновения считалась свободной, то есть была рассчитана на индивидуальное авторское отношение к делу и существовала как артефакт, но с расширением высшего образования стала массовой и во многом типичной. Массовая профессия препода-

давателя вуза – это работа, прямой задачей которой является обучение студента как будущего профессионала, но у нее есть более широкая миссия: воспроизводство самой профессии в обществе и культуре – через подготовленного студента и своим собственным служением. В этом смысле профессором (от лат. *profiteor* – объявляю своим делом) является любой преподаватель вуза и любой другой носитель мастерства, коль скоро он обеспечивает профессионализацию других и тем самым осуществляет «деятельность над деятельностью» (Г.П.Щедровицкий) – причем над будущей деятельностью тоже.

Социальный кризис сегодняшнего образования, главными внешними признаками которого являются низкое качество и большие объемы теневой, в том числе, коррупционной деятельности, заключается не только в этом. Его важной составной частью выступает ряд внутренних противоречий, которые так или иначе имеют «человеческое измерение», так как выражаются в характере и качестве работы специалистов, в отношениях, умонастроениях, чувствах, оценках. Со стороны они видны меньше, выглядят как отдельные частные случаи, но на самом деле, вместе с внешними признаками кризиса представляют собой общую структуру и требуют общего, структурного решения.

Материалом для иллюстрации обозначенной проблемы служат некоторые результаты двух социологических проектов, посвященных изучению динамики социальной нормы в условиях общественной трансформации и связям нормативных систем общества с феноменом социального бессознательного. В частности, по отношению к образованию изучались системы нормативной регуляции поведения учителей и преподавателей вуза на базе формальных и неформальных правил: фиксированных, документированных, предписанных (законы, международные соглашения, декларированные правила, уставы, инструкции и т.д.) – и существующих как широко принятая практика разной степени социальной приемлемости (привычки, групповые традиции, конвенциональные установки и эталоны поведения), в том числе, так называемые «скрытые программы» как особая форма воспитательного и управленческого воздействия.

Термин «скрытая программа» ввел в научный дискурс философ и социальный критик И.Иллич. В начале 1970-х гг. его резкий, нонконформистский анализ системы массового образования на современном этапе экономического и социального развития привел педагогическую общественность западных стран в состояние шока. Иллич рассматривал школу в качестве одной из монополий, которая, предоставляет обществу услуги по формированию у детей вполне определенных и удобных норм поведения, качеств личности и ценностей. Обеспечивая конформность новых поколений обществу, школа, наряду с другими монополиями (власть, система массового производства, телевидение), участвует в снижении уровня автономии людей, унифицирует бытие, формирует зависимость. Все это не дает развиваться самодостаточной личности, сокращает человеческое разнообразие и индивидуальность. Конечно, такой направленности своих социальных функций школа не декларирует. Однако, многое из того, чему она учит, не имеет ничего общего с содержанием знаний и образовательной программой. Порой большее влияние оказывает сама организация учебного процесса, ограниченность содержания учебников, педагогические установки учителя и т.д. Как следствие школа имеет тенденцию к насаждению среди детей пассивного потребления (в т.ч. знаний), несамостоятельности, некритического восприятия существующего социального порядка и много другого, по поводу чего «уроки» преподаются неосознанно.

Вот это неосознанное, негласное влияние Иллич и называл «скрытой программой», реализуемой через организацию обучения и прививаемой ученикам в неявной форме. Таким образом, скрытые программы представляют собой своего рода манипуляцию, ведь их цели не объявлены и не могут контролироваться партнером по взаимодействию. Впрочем,

они неочевидны и для исполнителей воздействия, а значит, почти полностью работают в сфере социального бессознательного и эксплуатируют его ресурсы.

В вышеупомянутых проектах специальным предметом анализа были скрытые программы вуза. Они исследовались методом фокус-группы. Участники фокус-групп – студенты 3-го и 5-го курсов разных специальностей. Процедура предусматривала знакомство с понятием «скрытая программа», применение его для анализа конкретных жизненных ситуаций и последующее обсуждение с элементами концептуализации, социальных оценок и прогноза. На фоне изучения курса «Социология образования» такой анализ оказался студентам вполне по силам. Обсуждалось более 20 ситуаций, предложенных самими студентами, в частности, роль преподавателя и отношений преподаватель-студент в современном университете. И то, и другое в институциональном, профессиональном аспекте и, разумеется, анонимно. Несколько кратких протоколов обсуждения, необходимых для понимания того, как получены основные результаты, приводятся ниже.

Ситуация 1. Студент отказался от прохождения практики по предложенному плану по идеологическим причинам. Заявил об этом заведующему кафедрой, тот имел разговор с деканатом. Реакцией деканата был совет во избежание серьезных проблем не действовать «через голову» административных инстанций и забыть об идеологии. Выявление скрытой программы, ее сути и направленности. Работает программа осуществления власти и расчета на конформизм, т.к. вуз пребывает в уверенности, что студенты «все скушают»; происходит понуждение «быть как все, знать свое место». Суть скрытой программы – воспитание конформной, исполнительской, деидеологизированной, сверхсоциализированной личности, т.е. обывателя. Поиск социального источника и оценка влияния. Оценивается как свойство всей современной системы образования; сила воздействия 7 баллов из 10. Прогноз. Высокая устойчивость, 10 баллов из 10.

Ситуация 2. Пользуясь своей ролью и статусом, лектор преподносит свои взгляды в области патриархальных семейных ценностей и здорового образа жизни в качестве особо ценных и истинных. Требует согласия с ним от аудитории и не ждет ответа или возражения. Диалог и обратная связь отсутствуют. Выявление скрытой программы. Психологическое давление на студента с целью формирования определенных ценностей и моральных установок, потому что «преподаватель остается непоколебим». Программа отчуждения и разрыва между поколениями, а также воспитательной дисфункции. Источник влияния. Существует в конкретной ситуации, но отражает свойство всей системы. Сила воздействия 4-5 баллов из 10. Прогноз. Устойчивость 10 баллов из 10.

Ситуация 3. Равнодушное (в языке респондента – «безэмоциональное») поведение преподавателя при выслушивании ответов. Преподаватель задает много самостоятельных работ, регулярно собирает их и, видимо, как-то оценивает, но оценку до конца семестра не сообщает. По признанию участников обсуждения, такой метод заставляет прилагать к учебе дополнительные усилия, т.к. не дает возможности почитать на лаврах, но с другой стороны, от него остается ощущение бездушия и отчуждения («тебя за человека не считают»), а также непрофессионализма, потому что их-то самих учат педагогике и тому, что она – человеческие отношения. Выявление скрытой программы. Здесь манипуляция в чистом виде, потому что не объявлены правила игры. Это программа отказа от полноценного человеческого взаимодействия в пользу формального функционирования. Источник влияния: свойство конкретного человека, но проявляется систематически, в течение нескольких лет. Сила влияния – 6 баллов из 10. Прогноз. Устойчивость 8-9 баллов из 10.

В результате обсуждения более чем 20-ти ситуаций было выявлено присутствие в работе вуза следующих скрытых программ:

1. Закрепление социальной иерархии (принуждение студентов к роли подчиненного вследствие авторитарной матрицы ролевых отношений).

2. Навязывание позиции, идеологическое давление (оцениваются не знания и мышление, а позиция, в том числе, в зависимости от теоретических или идеологических предпочтений преподавателя).
3. Приучение к халтуре и низкому качеству учебного труда вследствие нетребовательности преподавателей, безразличия, нежелания напрягаться и готовности взять плату за отметку.
4. Приучение к экономическому неравенству (улучшаются условия только на тех факультетах, которые дают больше внебюджетных доходов).
5. Мимикрия вместо реальных изменений (изменение учебного процесса по форме, но не по сути).
6. Дискриминация по признаку социальной близости (предвзятое отношение к студентам, обучающимся на платной и бесплатной основе).
7. Гендерное неравенство и ущемление в статусе (утверждения о неспособности девушек к логике, точным знаниям и другой интеллектуальной работе).

Справедливости ради надо сказать, что несколько существенных скрытых программ поведения студенты выявили и по отношению к себе.

1. Приспособленчество, конформизм
2. Халтура в учебе, обман на экзаменах (использование мобильных телефонов).
3. Инфантилизм, стремление к упрощению, в том числе упрощенному содержанию учебных предметов (жалобы на сложность, требующую напряжения ума), предпочтение репродуктивных тактик творчеству и самостоятельности (списать, скачать из Интернета).
4. Патерналистские установки в организации внеучебной жизни и быта.

Названы также позитивно действующие скрытые программы вуза, касающиеся, главным образом, стимулов к самоорганизации и формированию малых групп со своей функцией поддержки и взаимопомощи.

1. Поиск нестандартных путей решения возникающих проблем
2. Повышение интереса, самостоятельности, активности в учебе, аккуратного посещения занятий вследствие некоторых специфических образовательных подходов и методов (личностный характер взаимодействия педагогов со студентами, открытое обсуждение проблем и др.)
3. Взаимопомощь, взаимовыручка, в целом стимулы к дополнительной кооперации и самоорганизации, в т.ч. на базе новых информационных возможностей

Обращает на себя внимание рефлексия студентов по поводу современной педагогической деятельности в вузе. Названы: опоздания на занятия, формальный подход к выполнению обязанностей, использование устаревших методов, несоблюдение правил педагогики и дидактики, рассуждения в аудитории о низком статусе и имидже преподавателя в обществе, отрыв теории от жизни. Отмечено, что все это формирует у студентов негативную установку по отношению к будущей профессии, нежелание заниматься ею – и это на первых шагах их профессионального становления.

Конечно, полученные результаты не дают оснований для широких обобщений, однако, судя по данным независимых исследований (И.Клямкин, М.Тимофеев, Е.Балацкий), по негласным внутрикорпоративным представлениям, а также повторяемости ситуаций в работе нескольких фокус-групп, подобные явления – отнюдь не редкость. Так или иначе, даже если это касается только этих конкретных случаев и только этих конкретных студентов, полученные данные рисуют картину того, что можно было бы назвать «ухудшением профессии».

Ухудшение профессии, т.е. интеллектуальная и эмоциональная редукция, снижение требований к себе и к студентам, упрощение критериев качества труда – это, конечно,

протестное поведение, и оно имеет под собой серьезные основания. Статус преподавателя вуза, действительно, низок, зарплата оскорбительная, нагрузки несоразмерно высоки, а вынужденная занятость на полторы-две ставки, совместительство, репетиторство и прочее усугубляют проблему. В научном смысле, возможно, следует говорить о *ressantiment* (М.Оссовская) – социальном чувстве как участнике структурных отношений. Раздражение, ущемленное достоинство, усталость, разумеется, рожают протест. Но направляется он не вовне, на источник проблемы, а вовнутрь – в данном случае, на себя как профессионала, и тогда качеству работы почти сознательно наносится вред.

Автодеформация, ведущая к саморазрушению и профессии, и профессионала – протест особого рода. Он носит латентный, неявный и поэтому неполностью рациональный характер. В осознаваемой части – жесткая оценка реальности, в неосознаваемой – подавление себя как профессионала, агрессия по отношению к своему делу: ухудшение качества работы, нежелание прилагать к ней усилия, отказ от творчества – часто из-за отсутствия физической возможности и потребности минимизировать сверхнапряжения, а нередко и вследствие неспособности к совершенствованию. Страдают при этом качество образования, профессия как институционально необходимая деятельность и сам человек.

Латентный протест, выраженный саморазрушением профессии, направляет социальное действие инверсионным образом: не туда, куда надо для решения проблемы, а туда, куда можно, куда легче. А значит, действие это иррационально и никакой пользы никому не несет, даже теневой. (Бесполезность и бессмысленность совершаемого, кажется, разрушают человека больше, чем аномальное, но продуктивное действие, а то, что это вредно для общества, никого не пугает).

Иррациональное действие неспособно исправить положение, т.к. совершается не в структуре общества, не в его реальном устройстве, изменение которого только и может поставить все на правильные рельсы, а в хаотическом пространстве «броуновского движения» распыленной человеческой массы, где каждый преследует свою, часто кажущуюся, выгоду, а в сумме не получается ничего. Это не структурное действие, а его замещение; не позиция, а поза.

Демонстрация проблемы происходит путем ее усугубления. На месте социально рационального, структурно осмысленного действия, каким могло бы быть налаживание коммуникации и гражданских отношений как в профессиональном сообществе, так и с властью, образуется действие социально бессознательное. По разным причинам не желая вступать в открытую борьбу, профсоюзную или политическую, не создавая структур общественной деятельности и здорового общества, участники сложившейся ситуации переносят конфликт в ту область, где сами обладают властью, транслируя свое социальное чувство молодежи. А направлять действие здоровым, гражданским образом, неудобно и невыгодно, потому что это приведет к выявлению всех сторон проблемы, среди которых действительная и насущная необходимость самоизменения, а это очень трудная работа. Для нее требуется большой объем позитивной энергии и времени. Но, кажется, ни того, ни другого у университетского сообщества сегодня нет.

Это значит, что сложившаяся ситуация будет иметь долгое эхо. Она еще отзовется сниженным потенциалом молодых людей, нежеланием работать по профессии и неразвитием общественной сути социальной жизни. Случайно ли, что на пороге окончания учебы, студенты-социологи 5-го курса вдруг осознают, что они не знают, что такое общество – не в смысле теории, а в смысле практики его существования. Они не ощущают его присутствия ни в своей жизни, ни в окружающем социальном пространстве.

Чтобы изменить ситуацию, мало быть профессионалом – надо занимать еще и социальную позицию. Ухудшение профессии в ответ на плохие социальные условия – свидетельство слабости социальной и гражданской позиции большого отряда сегодняшнего

высокообразованного класса, каковым является сообщество вузовских педагогов. Это также вопрос также об интеллигенции и морали: правило «как нам платят, так мы и работаем» – любимая мысль постсоветского человека (впрочем, и позднесоветского тоже), но оно низводит университетского профессора до обывателя. Это ему свойственна утилитарная симметрия отношений «как ты мне, так и я тебе». Можно ли представить Д.С.Лихачева, М.А.Гаспарова, С.С.Аверинцева, которые рассуждали бы подобным образом? Но массовость профессии берет свое.

Когда социальное довлеет над профессиональным, изменяются культурные знаки профессии. Худшее, что здесь может произойти – бегство от полноценного профессионального общения со студентами. Голое функционирование без человеческого, культурного, ценностного содержания уничтожает сам дух познания, сводит на нет всю систему университетского образования. Это регрессия университета как такового, как гуманистической, демократической формы взращивания индивидуального человеческого потенциала и человеческого капитала страны.

Но что же делать? Как замечательно сформулировала одна из участниц Борисовских чтений весной 2005 года, – «Дайте денег и оставьте в покое!» В том смысле, что люди сами поймут, что делать. Я очень симпатизирую этой идее как лозунгу вечной природной способности человеческой самоорганизации. (Это похоже на другой знаменитый лозунг: «Рынок отрегулирует все», с которым автор предыдущего высказывания вряд ли согласится). Но ведь столько, сколько нужно для спокойной работы с небольшой аудиторной нагрузкой и возможностью еще что-то делать в науке, и серьезно заниматься методикой преподавания, обдумать, что такое результат твоей работы, как его достичь и как проконтролировать, как сделать серьезной и по-настоящему индивидуальной работу над дипломными проектами... Столько денег все равно не дадут. А значит, что-то надо делать сегодня и сейчас, в тех условиях, которые имеются. Ведь даже в случае больших денег не стоит ожидать, что завтра все само собой исправится.

Учителя и педагоги завтрашнего дня будут исполнять ту деятельность, которую получают сегодня из рук в руки. Если в случае со школьными учителями еще можно надеяться на то, что их новые поколения могут быть обучены в специализированных учебных заведениях, то есть «через голову» нерелевантной массовой практики (хотя надежда эта слаба, ведь педагогическое образование само находится в кризисе), то уж в том, что касается педагогов вуза и вовсе надеяться не на что, кроме таланта и искусства отдельных самородков – ведь к этой профессии, несмотря на то, что она давно приобрела массовый характер, нигде не готовят. Она – как в средние века – передается в цеху, и только.

Возможно, однако, что нынешнее состояние профессии преподавателя вуза как раз и представляет собой такой этап в ее развитии, который выявляет потребность качественных изменений и переосмысления традиций. Социальная и методологическая рефлексия оснований современной педагогической деятельности в вузе, т.е. педагогики университета, должна помочь этому процессу.